

ТАТЬЯНА ЛАРИНА

Татьяна
ОБОЛЕНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «В КЛЕТКЕ СО ЗВЕРЕМ»,
ПРОДАНО БОЛЕЕ 10 000 КНИГ

Татьяна Ларина
Тайна Оболенского
Университета
Серия «WATTPAD. Топ на русском»

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/55715377>

Т. Ларина. Тайна Оболенского университета: SelfPub; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-158391-0

Аннотация

<r>«Сегодня вечером в двадцать два часа во всех городах России начнется салют в честь праздника. В это же время раздастся и череда взрывов, которые сотрут с лица земли наш университет...»</r><r>Лера Ланская, студентка закрытого университета наук и искусств имени Оболенского, потеряла научного руководителя в самом начале учебного года. Старый профессор погиб в аварии, а незадолго до смерти передал Лере странный конверт с гравюрой, изображающей мертвого человека в точно такой же позе, в какой найдут его самого. Лера начинает расследование, но на ее пути встает новый научный руководитель – молодой и дерзкий. Когда Лера раскрывает его настоящую личность, становится понятно: в университете происходит нечто странное, и самостоятельно она не сможет разгадать все загадки.</r>

Содержание

От автора	5
Действующие лица	6
1. Профессор Радзинский выходит в тираж	10
2. Явление демона	25
3. Слабые попытки оправдания	41
4. Книга в книге	55
5. Игра	67
6. Партия сыграна. Кто победил?	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Татьяна Ларина

Тайна Оболенского

университета

© Татьяна Ларина, текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

*** * ***

От автора

Со всем уважением к истории и философии обращаюсь к читателям с просьбой отнестись к «Тайне Оболенского университета» как к легкой фантазмагии. Сюжет книги – полностью моя выдумка, однако я посмела вплести в него реальных личностей и события, происходившие в истории. Прошу простить неточности в повествовании и возможное искажение фактов в угоду сюжету. Но я искренне надеюсь, что книга придется вам по вкусу.

Действующие лица

Валерия Ланская (21 год) – студентка 5-го курса факультета медиевистики.

Арсений Витальевич Романов /ненастоящее имя/ (29 лет) – новый научный руководитель Леры. Преподаватель средневековой философии. На самом деле является другим человеком.

Андрей Николаевич Ланской (43 года) – отец Леры. Преподаватель юриспруденции.

Наталья Алексеевна Ланская, в девичестве Березина (37 лет) – мать Леры, воспитывала дочь одна после развода. Погибла в аварии, когда Лере было 16 лет.

Павел Аркадьевич Радзинский (71 год) – научный руководитель Леры. Преподаватель средневековой философии.

Захар Артемович Нилов (30 лет) – преподаватель латыни, старший брат Юры.

Аристарх Борисович Рылев (54 года) – преподаватель всемирной истории.

Евгения Матвеевна Селезнева (39 лет) – преподаватель эстетики.

Елизавета Васильевна Ремизова (35 лет) – преподаватель риторики.

Александра Дмитриевна Филиппенко (54 года) – преподаватель истории кино.

Римма Николаевна Комарова (53 года) – преподаватель культурологии.

Ян Эдуардович Гуревич (31 год) – преподаватель физической культуры.

Филипп Александрович Дрейфус (83 года) – преподаватель истории. Умер за полтора года до описываемых событий.

Сергей Петрович Вдовин (78 лет) – главный библиотекарь.

Галина Павловна Вдовина (70 лет) – супруга Сергея Петровича Вдовина. Умерла за два года до описываемых событий.

Геннадий Владимирович Мурашов (28 лет) – университетский повар.

Юлия Владимировна Мурашова (26 лет) – супруга университетского повара.

Михаил Романович Шеллар (36 лет) – университетский врач.

Иван Викторович Серов (51 год) – ректор Оболенского университета.

Арина (Рина) Миланова (21 год) – однокурсница Леры и ее лучшая подруга.

Юрий Нилов (22 года) – однокурсник Леры. Влюблен в нее. Младший брат Захара.

Альберт Шульц (21 год) – однокурсник Леры. Потомственный немецкий барон. Его предки учились в Оболен-

ском университете с момента основания учебного заведения. После революции Шульцы уехали, Альберт – первый за несколько десятилетий представитель своей фамилии, учащийся в Оболенке.

Петр Авилов (21 год) – однокурсник Леры, бывший парень Арины.

Елена Королева (22 года) – студентка выпускного курса факультета юриспруденции. Дипломница Андрея Николаевича Ланского.

Иван Костромицкий (22 года) – студент выпускного курса факультета истории. Влюблен в Арину Миланову.

Марина Позднякова (21 год) – однокурсница Леры, одна из самых популярных девушек университета. Главная сплетница.

Анна Фролова (21 год) – студентка выпускного курса факультета юриспруденции. Бывшая подруга Лены Королевой, теперь ее соперница и враг.

Денис Лядов (22 года) – студент выпускного курса факультета истории. Друг Петра Авилова. Отчислен после осеннего бала.

Алексей Фомин (21 год) – студент выпускного курса факультета истории. Друг Петра Авилова. Отчислен после осеннего бала.

Евгений Макеев (32 года) – выпускник курса факультета юриспруденции. Погиб в авиакатастрофе за год до описываемых событий.

Виктор Семенович Шолохов (72 года) – российский ученый, разработал препарат – аналог стволовых клеток. Погиб в Марокко за несколько лет до описываемых событий.

1. Профессор Радзинский выходит в тираж

Стук моих каблуков эхом разносился по пустым коридорам здания, отстроенного два с половиной века назад, еще при императрице Екатерине Великой. Каменные стены с остатками красочных росписей, резные массивные двери аудиторий, где некогда преподавали лучшие профессора не только России, но и всего мира, тяжелые ковры, представляющие собой определенную ценность. Моя альма-матер, мой родной университет.

Университет наук и искусств имени Петра Семеновича Оболенского¹. Покинув это место более пяти лет назад, я снова здесь.

Вот главный холл и мозаичная надпись *Καλοκαγαθία* – калокагатия, что в переводе с древнегреческого означает «прекрасный и добрый». В античной культуре под калокагатией подразумевалась гармония телесного и духовного в целостной человеческой личности.

Гражданин древнегреческого полиса, стремящийся к тогдашнему идеалу, был знаком с этим понятием не понаслыш-

¹ Петр Семенович Оболенский – вымышленный персонаж, но он относится к реальному княжескому роду. (Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.)

ке. В нашем же университете принцип калокагатии всегда являлся центральным: выпускники должны быть максимально эрудированными, нравственными и физически развитыми.

Более двух веков в стенах заведения обучались лучшие умы страны – политики, военные, деятели культуры и искусства, ученые и философы. Университет Оболенского никогда не терпел посредственности. Каждый студент был обязан полностью и без остатка отдаваться занятиям, будь то познание наук или физическая подготовка, а наградой за труды являлись широкие возможности для выпускников.

Я шла по длинному коридору, схожему с художественной галереей: на стенах висели картины, некогда подаренные выпускниками Оболенки, прославившимися в живописи. Сейчас они стоят целое состояние, вот только их судьба – быть навсегда погребенными в стенах университета.

Замедлив шаг у огромных дубовых дверей в библиотеку, я не решилась их открыть. Видимо, чувствуя мои сомнения, они поддались не сразу, со скрипом явив мне лишь щель к ныне пустующему святой святых университета. Многотысячное собрание книг сейчас перенесено в новое здание, которое выделили, пока исторические помещения находятся на реставрации. С легкой улыбкой я вспомнила, сколько времени проводила здесь, готовясь к семинарам и коллоквиумам. Я всегда была прилежной студенткой, много занималась и ставила учебу на первое место, но потом появился

один дурной преподаватель... А вот и большой стол, за которым некогда восседал не сменяемый десятилетиями главный библиотекарь Сергей Петрович.

Я выскользнула в коридор и, оставив попытки закрыть тяжелые двери, пошла дальше. Здание уже несколько лет обесточено, поэтому приходилось пробираться темными проходами, освещая путь фонарем. Хотя здесь я бы не заблудилась даже в крошечной тьме. Каждый закоулок навсегда врезался в память.

Неожиданно я оказалась у философской кафедры, такой до боли родной... И ноги сами отвели в аудиторию, где нам читали лекции по философии Средневековья. Еще со старшей школы это время очаровывало меня своей загадочностью и мистицизмом. Темные века дали человечеству колоссальный толчок для дальнейшего развития.

В аудитории – все как прежде. Огромные витражные окна, что не уберегали от зимних морозов, скамьи, стулья и парты, доска с разбросанными кусочками мела, цветочные горшки, в которых некогда распускались комнатные растения, бережно переданные смотрителем оранжереи. Четыре года подряд я слушала тут увлекательные лекции профессора Радзинского: он великодушно согласился стать моим научным руководителем и помогать в работе над дипломом. Я всегда до глубины души уважала этого удивительного человека. Работать с ним было легко и приятно, чего не скажешь о преемнике... В последний год обучения в Оболенке ауди-

торию занимал Арсений Романов, кардинально изменивший мою жизнь.

Тот самый дурной преподаватель.

Я подошла к столу и провела рукой по столешнице, чувствуя легкое покалывание, собрала слой пыли. Как давно тут никто не сидел. Мне захотелось задержаться в аудитории хотя бы на пару минут, вспомнить лекции, семинары и наши вечные пререкания с моим любимым преподавателем, но решила не тратить лишнее время.

Я покинула здание учебного корпуса и не торопясь пошла по университетскому городку. Со стороны можно подумать, что я просто гуляю, но для меня это было прощанием. Жилые корпуса, домики преподавателей, столовая, оранжерея, спортивный зал и бассейн – Оболенский университет обладал развитой инфраструктурой. Он располагался между Москвой и Санкт-Петербургом, в трехстах километрах от обеих столиц.

За два с лишним века окрестности не были заселены, а ближайший поселок находится в сорока километрах.

Справа от дороги был корпус, на втором этаже которого располагалась моя комната. Студентам Оболенки отводилось отдельное здание, где у каждого имелась спальня с отдельным санузлом. Питались мы строго по расписанию в столовой, построенной между учебным и жилыми корпусами.

Обслуживающий персонал, как и студентов, всегда селили в отдельное трехэтажное здание, а вот преподаватель-

ский состав получал в свое распоряжение квартиры и даже небольшие дома.

Пройдя по широкой ивовой аллее, некогда ухоженной садовниками, а сейчас заросшей, я очутилась у фонтана, где однажды развлекался Юра. Он бросил туда бутылку средства для мытья посуды. Сколько было пены, а какой разразился скандал! Виновного бы исключили, если бы не ходатайство старшего брата Захара, который преподавал латынь.

За фонтаном начиналась главная аллея, которая вела к громадным кованым воротам. Над ними все еще красовалась надпись с названием университета и годом основания учебного заведения – 1779-м. Да, это место видело многое...

Университет являлся архитектурным памятником. Построенный в стиле неоготики, он на протяжении долгого времени достраивался и расширялся, вбирая в себя лучшее от различных эпох.

Сегодня Девятое мая. День Победы в Великой Отечественной войне. Как обычно, в двадцать два часа во всех городах России начнется салют в честь праздника. В это же время раздастся и череда взрывов, которые сотрут с лица земли наш университет...

Университет наук и искусств имени Петра Оболенского.

Шум салюта заглушит жуткие звуки, поэтому, когда жители близлежащего поселка увидят зарево над горизонтом, будет слишком поздно, чтобы что-то спасти. Пожарные, которые прибудут сюда, сделают вывод, что произошла утечка

газа, послужившая причиной пожара. Никаких подозрительных следов найдено не будет. Сейчас у меня есть двадцать минут, чтобы отъехать на нужное расстояние.

Я села в машину, завела двигатель и тронулась с места. В зеркало заднего вида я в последний раз взглянула на родной университет. Прощай, альма-матер!

Ком в горле, слезы на глазах и вихрь воспоминаний. Не думала, что после всего случившегося мне будет так тяжело навсегда расставаться с этим местом.

Дорога свернула, и университет скрылся за густым лесом.

* * *

А началось все ранней осенью, еще несколько лет назад, когда я, будучи студенткой выпускного курса факультета медиэвистики², шла на встречу со своим научным руководителем. Мы с профессором Павлом Аркадьевичем Радзинским договорились обсудить вопросы новизны и уникальности моей научной работы.

– Лерочка, ты раньше обычного! – воскликнул профессор, эмоционально всплеснув руками, как всегда любил делать при виде меня. – Очень рад! Приди ты вовремя, меня бы не застала.

– Вы куда-то уезжаете? – удивилась я. Еще утром мы до-

² Медиэвистика – научная дисциплина, посвященная истории средневековой Европы.

говаривались о встрече, а сейчас научрук держал в руках дорожный набор.

– Да, Лерочка, возникли неотложные дела. Но ничего, вернусь, и продолжим работу, а если что, то ты справишься и без меня, – добродушно сказал мужчина, в то время как его глаза взволнованно забегали по комнате.

– Что значит «без вас»? – проследив за неуловимым профессорским взглядом, я заметила чемодан, набитый вещами.

– Я хотел сказать, если вдруг задержусь дольше, – ответил профессор и глубоко вздохнул.

– Тогда не буду мешать со сборами.

Было обидно, что меня бросают без предупреждения в самый разгар работы.

Я уже направилась к выходу, но Радзинский удержал меня за руку.

– Лера, нам нужно поговорить, – начал он и слегка замялся, словно речь велась о чем-то крайне деликатном. – Ты девушка умная, одна из лучших студенток, за тобой большое будущее. Помни, что в жизни нужно делать выбор сердцем и не идти против совести.

– Павел Аркадьевич, я не понимаю, о чем вы?! – нахмурилась я.

– Просто напутствия старика, – отмахнулся научрук и шагнул к чемодану, достал из бокового отделения конверт и протянул мне. – Лера, возьми. Я хотел занести это в твою

комнату, но раз ты здесь...

– Что там? – удивилась я, получив конверт.

– Открой, когда будет нужно, – ответил профессор.

– Но как я пойму, когда нужно? – недоумевала я.

– Поймешь... Если сочтешь, что тебе что-то недоговаривают, – грустно улыбнулся Павел Аркадьевич, взял чемодан и, кивнув мне, посмотрел в окно: на улице уже дожидалось такси.

Конверт я убрала в сумку и благополучно о нем забыла. После такой выходки научрука не было никакого настроения заниматься дипломом, поэтому я направилась к озеру, где обычно собирались однокурсники. Из года в год ничего не менялось. Мы любили посиживать в беседке у воды и со смехом обсуждали всякие студенческие глупости.

Как правило, заводилой был Юрка Нилов.

– Лер, ты к нам? – воскликнула Арина Миланова, моя самая близкая университетская подруга. – Ты же вроде собиралась заниматься.

– Да, но Павел Аркадьевич куда-то уехал, – пожалала плечами я и села рядом с Ариной.

Мы дружили с первого курса. Она из Екатеринбурга, я же родилась в Москве. До шестнадцати лет меня растила мама, пока несчастный случай ее не отобрал. Отца я видела лишь по праздникам.

Он бросил семью, когда мне было три, но после маминой смерти забрал меня к себе... в Оболенку. Папа преподавал

юриспруденцию и пожелал, чтобы я пошла по его стопам. Правда, я тяготела к истории Средних веков, нежели к праву. В итоге отец не стал препятствовать моему выбору медицинской. Единственным его условием было послушание и прилежная учеба, что для меня оказалось несложно.

Учеба давалась легко, да и проводить свободное время за книгами я всегда любила.

Сейчас я была отцовской гордостью, одной из лучших студенток курса.

В Оболенке запрещены шумные вечеринки, алкоголь и уж конечно прочие вредные вещества. Студенты находили развлечения в шахматах, карточных играх, интеллектуальных сражениях и прочих занятиях до скрежета зубов прилежной молодежи. Каждый был до приторности правильным, пояись в наших рядах кто-то иной, это стало бы началом конца.

Вдоволь наболтавшись с подругой, я решила еще раз пробежаться по теме завтрашнего семинара, поэтому принялась прощаться с ребятами. Арина безрезультатно старалась меня удержать, кинула в спину: «Гребаная заучка», – но оставила свои попытки.

Я уже подходила к корпусу, когда сзади раздались торопливые шаги. Стоило обернуться, как я столкнулась лицом к лицу с улыбающимся Юркой.

– Лер, что делаешь завтра вечером? – неожиданно спросил парень.

– Мм... не знаю пока, скорее всего, буду сидеть над дипломом.

– Может, прогуляемся? – нерешительно предложил он.

– Это свидание? – в лоб спросила я. Разумеется, подобные предложения звучали нечасто, но я не привыкла пасовать и предпочитала сразу расставить точки над «и».

Но и Юрка не растерялся.

Его губы растянулись в довольной улыбке, и парень кивнул.

– Если скажу «да»?

– Я подумаю, – улыбнулась я в ответ и поспешила ретироваться, дабы избежать неловкости.

– До завтра! – крикнул мне вслед парень, уверенный, что я ему не откажу.

Юра был мне приятен, но романтических чувств я не испытывала, хотя и хотелось пойти на свидание. Как и любая девушка, я нуждалась в том, чтобы за мной ухаживали, водили в кино, дарили цветы. Ничего такого у меня не было. Я не уродина, но имелся серьезный «изъян» – отец. Папу панически боялись все студенты.

Андрей Николаевич Ланской, доктор юриспруденции и по совместительству мой отец, весьма критически относился к каждому парню, который осмеливался приблизиться к его «сокровищу», то есть ко мне. Именно поэтому в двадцать один год я практически не обладала никаким опытом общения с противоположным полом. То, что Юрка решился меня

пригласить, стало причиной глупой улыбки, которая задержалась на моем лице до позднего вечера.

На следующее утро за мной зашла Арина. Здесь не было проявления дружеского жеста, она всегда так делала, если не подготовилась к семинару. Возможно, это чистой воды эксплуатация моих знаний, но я не обижалась, ведь и Аринка меня выручала.

Мы направлялись к учебному корпусу, я просвещала девушку насчет Фридриха Барбароссы³ и Ломбардской лиги⁴, но вдруг Ринка замерла и ухватила меня за руку.

– Ты чего? – удивилась я.

– Смотри! – Арина указала пальцем на группу преподавателей, которые сгрудились в стороне от здания и что-то бурно обсуждали.

Это показалось мне довольно странным. Все совещания педагогического состава, как правило, происходили за закрытыми дверями.

– Может, что-то случилось? – предположила я.

– Наверняка.

– Тогда поторопимся в аудиторию. Там и выясним. – Я потянула подругу к учебному корпусу.

Вопреки ожиданиям, наш курс тоже ничего не знал, хо-

³ Фридрих Первый Барбаросса (конец 1122–1190) – император Священной Римской империи. (Прим. ред.)

⁴ Ломбардская лига – союз, созданный для борьбы со Священной Римской империей; состоял из шестнадцати северо-итальянских городов. (Прим. ред.)

тя никто не сомневался – на территории университетского городка что-то произошло. Лекция должна была начаться еще пять минут назад, а преподавателя до сих пор не было. Опоздания в Оболенке считались чем-то из ряда вон выходящим, это относилось не только к студентам, но и к преподавательскому составу. Каково же было наше изумление, когда вместо Аристарха Борисовича Рылева, преподававшего историю, порог аудитории переступил ректор.

Иван Викторович Серов возглавлял Оболенку уже десять лет, а прежде занимал должность декана исторического факультета. Он был потомственным оболенцем, родители его работали в Оболенке, он родился и вырос в стенах университета.

– Господа студенты, прошу минуточку внимания, – поднявшись на кафедру, заявил ректор. – Я вынужден сообщить печальную новость. Вчера в автомобильной аварии трагически погиб всеми нами любимый и почитаемый профессор Радзинский.

По аудитории пробежался шепот. Кто-то шумно вздохнул, кто-то выкрикнул: «Не верю!» Только я не проронила ни звука.

– Завтра мы почтим память Павла Аркадьевича, – со скорбью в голосе продолжил ректор. – Студентам, которые работали вместе с профессором над дипломными работами, будут назначены новые научные руководители. – Иван Викторович покинул аудиторию, давая нам возможность прийти в

себя и принять страшную новость.

Через пару минут появился Аристарх Борисович и как ни в чем не бывало начал занятие. Но я не могла сосредоточиться, прокручивая в голове последнюю встречу с Павлом Аркадьевичем. Он был таким взвинченным, суетливым. И этот конверт. Что в нем? Я схватилась за сумку, желая его найти, но меня отвлекла Арина соболезнованиями по поводу того, что теперь надо искать нового руководителя.

Известие о кончине профессора наложило на всех отпечаток. В университете царила тяжелая и тревожная атмосфера. Часть лекций отменили. Естественно, приподнятое настроение студентов как ветром сдуло. Даже Нилов согласился перенести свидание на более благоприятное время.

Профессора Радзинского похоронили на кладбище Оболенки. Оно находилось в паре километров от жилых и учебных корпусов и существовало практически с момента основания университета. Там нашли вечный покой те преподаватели и обслуга, для кого Оболенка стала настоящим домом.

По пути к жилым корпусам нас с Ариной неожиданно нагнала Марина Позднякова, первая красавица Оболенки. Мы не особо дружили, но поддерживали приятельские отношения, иногда бывали на девичьих посиделках.

Отличительной чертой Маринки была любовь ко всякого рода слухам.

– Девочки, вы слышали, как ужасно погиб Павел Аркадьевич? – сразу затараторила наша сплетница.

– Он вроде разбился на машине, – невесело усмехнулась Арина, – все уже знают.

– А вот и не совсем так, – гордо выпалила Позднякова.

– И что же случилось? – не выдержала я, устав от клоунады.

Умер человек, как-никак, а они еще спорят.

– Таксист не справился с управлением и съехал в кювет, задняя дверь, где сидел Радзинский, открылась, и он выпал из машины, – воодушевилась Марина, подкрепляя рассказ активной жестикуляцией. – Потом зацепился ногой за дерево и повис вниз головой. Так его и нашли. Поговаривают, даже был жив, когда подоспела помощь, но все равно оказалось поздно.

– Какой кошмар! – Я поморщилась, вообразив чудовищную картину.

Павел Аркадьевич не заслужил такой участи.

Мы молча свернули к нашему корпусу. Накрапывал мелкий дождик, словно природа оплакивала старого профессора. Я поежилась от холода и спросила у Поздняковой, откуда она столь хорошо осведомлена о кончине моего научрука.

– Сегодня я проходила мимо кабинета ректора и услышала разговор Серова с полицией.

– Услышала или подслушивала? – прищурилась Арина, недовольно глядя на Марину. – Может, все было не так страшно, как ты рассказала?

– Не хотите – не верьте, – надула губки Позднякова и, раз-

вернувшись, застучала шпильками к кафетерию.

Остаток пути до жилого корпуса мы не проронили ни слова, каждая погруженная в свои мысли. Меня не покидало ощущение, что в трагедии с профессором Радзинским не все так просто. Спонтанный отъезд и общее волнение научрука не давали мне покоя. Я вновь вспомнила про таинственный конверт, поэтому, очутившись у себя, сразу же его достала.

Не представляю, чего я ожидала найти. Может, подробное письмо с тягостным признанием? Но обнаружила лишь сложенный вчетверо лист бумаги, развернув который увидела копию книжной гравюры с изображением человека, висящего на дереве вниз головой.

И в памяти сразу всплыла сплетня Марины о страшной смерти Павла Аркадьевича. Теперь я точно знала, что эта трагедия – не только несчастный случай.

2. Явление демона

После гибели профессора Радзинского расписание занятий в университете изменили. В течение двух недель историю средневековой мысли нам не читали. Моя работа над дипломом продолжалась, но из-за невозможности с кем-то досконально обсудить текст я чувствовала, что простаиваю на месте.

У Павла Аркадьевича диплом писали два студента – я и мой однокурсник Петр Авилов.

Работа Пети затрагивала скорее исторические аспекты, чем философские, поэтому ему легко нашли руководителя. А я пока находилась в свободном плавании.

Все это время мне не давала покоя мысль, что Павел Аркадьевич пытался мне что-то сказать. Он предвидел смерть и даже знал, как именно все случится. Значит, профессора убили? Несомненно. Но кто? Так хотелось поделиться с кем-нибудь открытием, но я не могла. Для начала нужно самой разобраться во всем. Радзинский был умным человеком, поэтому не просто так решил передать копию гравюры именно мне.

Это послание, и я должна его разгадать. Из раздумий в реальность меня вернул телефонный звонок. Отец. В последние недели мы стали реже общаться из-за папиной загруженности, поэтому я очень обрадовалась.

– Да, пап.

– Лерочка, детка, как ты? – весьма учтиво, не по-отцовски, а по-учительски поинтересовался он.

– Хорошо, папочка, а ты как? – Я присела на кровать и посмотрела на наше совместное фото, как делала всегда, когда он звонил.

– Неплохо, только соскучился по умнице-дочке. – Я не сомневалась, что он улыбнулся. – Сегодня хочу, чтобы ты поужинала у меня. Приходи вечером. Пообщаемся.

Как правило, отец трапезничал в столовой, несмотря на то что в доме имелась полностью оснащенная кухня. После расставания с мамой он не женился, а вести хозяйство не умел.

Возможно, ему было бы удобнее в квартире, а не в коттедже, который преподавателю выделил университетский совет, но папа не стал отказываться от дома и долгие годы жил в одиночестве, пока я не перебралась к нему.

После того как я стала студенткой Оболенки, у меня появился выбор – жить с папой или получить отдельную комнату. Я предпочла второе. Мне не хотелось выделяться среди других студентов, к тому же я стремилась как можно раньше обрести независимость.

– С радостью, папочка! Приду пораньше и приготовлю что-нибудь вкусное.

– Буду ждать тебя, милая, – ответил папа. – До вечера!

– До вечера! – Сбросив вызов и положив телефон на тум-

бочку, я откинулась на спинку кровати, продумывая, что можно приготовить.

Поскольку многие жители Оболенки, от студентов и преподавателей до обслуживающего персонала, питались в общей столовой, получить продукты было непросто.

Раз в две недели составлялся список покупок, в который каждый человек, прикрепленный к университету, мог внести то, что ему необходимо. Затем несколько служащих, отвечающих за провизию, выезжали в подмосковный гипермаркет.

Закупками для студентов занимался куратор, выбранный на университетском совете. Студенческий список утверждался преподавательским составом. Нам запрещали покупать сигареты, алкогольные напитки и «вредную» пищу. У преподавателей и obsługi подобных ограничений не было. Я не помнила, что осталось у папы с прошлого раза, поэтому не сумела придумать меню, решив сориентироваться на месте.

К шести часам я подходила к дому отца. Это был двухэтажный коттедж с тремя спальнями на втором этаже и просторной светлой гостиной внизу. Тут уютно, тепло даже в самые суровые зимы и по-домашнему хорошо. Такой контраст с московской квартиркой, где жили мы с мамой! Как бы мы могли быть счастливы здесь все вместе... Жаль, что родители не уберегли свою семью. Может, поэтому мне так грустно у отца?

– Лерочка, вот и ты! – обрадовался папа, попивавший дымящийся кофе на крыльце.

– Я ведь обещала быть пораньше, – напомнила я и поцеловала отца в щеку.

– Проходи, милая. – Он открыл дверь и впустил меня внутрь. – Все, что осталось из продуктов, – в холодильнике. Когда будешь решать, что готовить, не забудь, у нас есть бутылочка пино гриджио.

И пусть вино запрещено в Оболенке, но отец иногда позволял мне мелкие нарушения. К примеру, бокал итальянского сухого. Конечно, все должно происходить под его присмотром. Зато съестные запасы оказались довольно скудными, поэтому я остановила свой выбор на стейках из замороженной семги.

Рыба и белое вино – неплохое сочетание.

– Детка, очень вкусно, – прикрыв глаза, сказал папа, пробуя рыбу.

– Я старалась, – улыбнулась я и опустила взгляд, чтобы нагло не демонстрировать, как горжусь собой за отличный ужин.

– Милая, я хотел поговорить про твою научную работу. Тебе пока не назначили руководителя, и это плохо, но я спешу тебя обнадежить. – Папа чуть прищурился и посмотрел на меня. Сразу стало ясно, что ужин он затеял неспроста.

– Чем?

– Завтра приезжает выдающийся профессор-медиевист, – восторженно объяснил папа. – Он получил степень в Болонском университете. Обучался у самого Эко.

– Умберто Эко?⁵ – удивилась я, недоверчиво поморщившись.

– Да, и он займет место профессора Радзинского.

Умберто Эко... Человек, которым я поистине восхищалась. Ученый, культуролог, философ и специалист по семиотике – науке о знаках. Он внес колоссальный вклад в культуру двадцатого века. Я мечтала познакомиться с ним, а то, что его бывший ученик будет преподавать в Оболенке, стало для меня действительно шокирующей, в хорошем смысле, новостью.

– Он берет студентов-дипломников? – сразу оживилась я.

– Не знаю, милая, мы пока ничего не обсуждали с ректором. Но я замолвлю словечко, – подмигнул мне папа. – Евгения Матвеевна устраивает приветственный ужин для нового профессора, а я возьму тебя с собой.

– Спасибо, папочка, – искренне поблагодарила я, – если он согласится курировать меня...

– Но ты должна как следует подготовиться, чтобы представить свою работу так, чтобы его заинтересовать, – строго сказал отец.

– Разумеется! – воскликнула я. – Кроме того, мы с Павлом Аркадьевичем уже начали составлять тезисы, исходя из того, что я успела написать.

– Да, – печально пробормотал папа и отпил немного вина,

⁵ Умберто Эко (1932–2016) – знаменитый итальянский философ, историк-медиевист, публицист и писатель.

– бедный Павел.

– А я ведь заходила к нему перед отъездом. – То ли алкоголь расслабил, то ли в уютной домашней атмосфере хотелось довериться отцу, но я решила поделиться догадками. – Он показался каким-то странным. Говорил так, будто знал, что не вернется.

– Глупости! – отрезал отец. – И вообще, тебе не стоит думать о подобных вещах. Лера, главное – диплом!

– Но, папа, это вовсе не глупости. – Я поджала губы и отодвинула тарелку с недоеденной рыбой. – Он первым заговорил о том, что я справлюсь с работой и без него. Добавил, что за мной большое будущее, но я не должна забывать, что в любой ситуации надо действовать по совести, а потом...

– Лера, и слушать не хочу! – вдруг вспыхнул отец и раздраженно бросил на стол салфетку: никогда раньше я не видела его таким. – Забудь все, что тебе сказал Радзинский.

– Папа, что с тобой? – тихо спросила я, и отец понял, что напугал меня.

Он пригубил вина, перевел дыхание и вроде бы успокоился.

– Извини, милая, просто ты многого не знаешь. В последнее время Павел был не в себе. Он рассуждал о всяком непотребстве. Нес околесицу. Я бы даже сказал, что у него развилась паранойя. Я бы не хотел, чтобы ты забивала свою славную головку ерундой.

– Хорошо, папочка, – кивнула я, но лишь затем, чтобы не

ссориться. Мое желание разобраться в смерти Радзинского отнюдь не пропало.

Мы замечательно, как самая обычная семья, провели остаток вечера. Усевшись на диване в гостиной, под негромкие звуки Паганини и ароматный бергамотовый чай обсуждали нового профессора. Папа с упоением живописал, какое образование получил преподаватель и у каких выдающихся личностей обучался, да и послужной список написанных им научных работ впечатлял.

Мы оба понимали, что если за мой диплом возьмется такой человек, то развить научную работу в диссертацию не составит труда.

Следующий день для меня был особенно волнительным, ведь предстояло знакомство с профессором. Судя по речам отца, преподаватель станет звездой университета. Почему-то я представляла мужчину лет сорока пяти, в очках, с проседью и животом.

Мое воображение нарисовало ему твидовый пиджак, жилетку и трость. А еще зубы. Они обязательно будут желтыми и кривыми. Не терпелось скорее его увидеть, поэтому я возликовала, что история средневековой мысли стояла первой парой.

Прокручивая в мыслях вчерашний разговор с отцом, я вспомнила и его замечание о Радзинском. Известие о новом профессоре так впечатлило, что я совершенно забыла о том, что должно было тревожить не меньше. Неужели Павел Ар-

кадьевич действительно страдал параноидальными идеями? Возможно, он «заразил» и меня? Что, если его смерть лишь совпадение с изображением на гравюре? И кого я пыталась обмануть... Не бывает таких совпадений, не бывает. Но отец, несомненно, прав в одном: сейчас не стоит забивать этим голову. Главное – диплом.

В аудиторию я пришла одной из первых и заняла привычное место. Аринки еще не было, поэтому я нагло растянулась на парте, положив голову на руки. С трудом продрав глаза после выпитого накануне вина, я не могла найти в себе силы высидеть ровно двадцать минут до начала лекции.

Вот только спать в аудитории я не планировала, однако быстро погрузилась в дрему. Я даже видела какой-то сон, когда кто-то беспардонно нарушил мой недолгий отдых, больно толкнув в плечо.

– Эй, ты охамел? – возмутилась я.

Передо мной стоял незнакомый молодой человек. Не будь его лицо таким сердитым, а взгляд злым, я бы могла назвать его симпатичным, но кислая мина напрочь стирала любые положительные эмоции.

– Вы что себе позволяете? – Гордо вздернув голову и глядя на меня сверху вниз, словно он бог, спросил парень.

– А что себе позволяешь ты?! Мне больно! – в тон ответила я, обратив внимание, что он чуть ли не побелел от ярости.

– Я считал, что приехал в один из лучших университетов, но на первом же занятии вижу спящую студентку, которая к

тому же грубит! – процедил он и, развернувшись, пошел к преподавательской кафедре.

Не нужно было долго думать, чтобы понять, в какую передрыгу я вляпалась. Арина до сих пор не появилась. Уж она бы, конечно, разбудила подругу – в отличие от остальных сокурсников, с любопытством разглядывавших меня, как жертву молодого преподавателя.

Я сглотнула, чтобы подавить неизвестно откуда взявшийся ком в горле и подняла взгляд на профессора. Казалось, я вижу исчадие ада, хотя как мужчина он был весьма привлекательным: спортивное телосложение, тонкие черты лица, светло-каштановые волосы и удивительно глубокие сапфировые глаза.

– Ваше имя? – обратился ко мне мужчина таким тоном, словно я самый омерзительный человек, каких он встречал в жизни.

– А ваше? – выдала я, недолго думая.

– Мое?! – гневно переспросил он. – Романов Арсений Витальевич, профессор. Ваш новый лектор.

– Ланская. Валерия Ланская, – представилась я, чувствуя, как от ужаса пересохло во рту.

– Знакомая фамилия. Вы, случайно, не дочь Андрея Николаевича Ланского? – уточнил Арсений Витальевич.

– Да, – подтвердила я.

– Тогда все ясно, – холодно проговорил он и взошел на кафедру.

– И что вам ясно? – не сдержалась я.

Хамское отношение возмущало. Я бы извинилась перед профессором, что случайно уснула, причем до лекции, а не во время оной, – но после подобной грубости не собиралась просить прощения.

– Ясно, что здесь, как и во многих других университетах, дети профессоров пользуются особым блатом, – спокойно ответил новый преподаватель. Он не удостоил меня даже взглядом, рассматривая какие-то бумажки на кафедре.

– Я не пользуюсь тем, что мой отец преподает в Оболенке, – возразила я. – Какое вы вообще имеете право делать подобные умозаключения, даже толком не узнав меня как студента?

– Мне достаточно того, что вы спите на лекциях и дерзите профессорам, – отрезал он, – а сейчас, с вашего позволения, Ланская, я начну лекцию. Советую и вам послушать. Иногда полезно узнавать что-то новое.

Вот так этот наглец в мгновение ока растоптал все мои ожидания. Профессор, ученый, интеллектуал? Нет. Самый настоящий грубиян, напыщенный индюк. И с ним я мечтала познакомиться?

До конца занятия я демонстративно игнорировала Арсения и, кстати, дала себе установку, что не стану звать его по имени и отчеству, кроме как обращаясь к нему лично. Хотя мне не пришлось изображать незаинтересованность.

Лекция молодого профессора показалось мне скучной и

поверхностной: ни одного вывода, никакой глубины. Все напоминало урок философии в старшей школе.

После звонка я, не прощаясь, покинула аудиторию, хотя в дверях оглянулась. Профессора это нисколько не задело. Он бросил мне вслед презрительный взгляд. Отлично.

И этого человека мне могут назначить в руководители? Хотя он сам ни за что не возьмет надо мной шефство.

Оставшиеся пары прошли благополучно. Однако Арина не появилась, что начало меня беспокоить. Подруга никогда не пропускала занятия без предупреждения, в Оболенке к прогулам относились очень строго. А после загадочной смерти Павла Аркадьевича в голове моей стали возникать неприятные тревожные мысли.

И, чтобы их развеять, я решила Арину навестить.

У порога Ариной комнаты я услышала громкий кашель. Тяжело вздохнув, я постучала в дверь. Если кто-либо заболел в Оболенском университете, он был обязан сразу обратиться к врачу, и пациента перевозили в лазарет во избежание заражения других.

То, что Арина скрывала истинную причину прогула, могло повлечь крайне неприятные последствия.

– Можно, Рин?

– Да, входи, – раздался хриплый голос подруги.

– И как это понимать, дорогая? – рассердилась я, когда вошла в комнату и обнаружила совершенно расклеившуюся Арину.

– Не выдавай меня! – взмолилась она. – Ненавижу лазарет, я поправлюсь, только отлежусь сегодня.

– Я не выдам, но кашель сдаст тебя с потрохами. Давай-ка лучше пойдем к врачу, – присаживаясь на стул у кровати, серьезно сказала я.

– Нет, пожалуйста! Мне нужен один денек! Обещаю, если до завтра не поправлюсь, то вместо занятий – в лазарет, – заканючила Аринка и взяла меня за руку. – А теперь выкладывай, что делается в универе.

Я вкратце рассказала, что произошло, не умолчав и про нового преподавателя.

Подруга согласилась, что профессор Романов поступил как настоящий хам, выставляя меня перед студентами в нелицеприятном свете. Она даже предложила ему отомстить, например напакостив в аудитории, но опускаться до подобного я не хотела.

Заставив Аринку принять лекарства, а главное, напоив сиропом от жуткого кашля, я собиралась уходить, но тут в дверь постучали. На пороге стоял университетский доктор, и его лицо не предвещало ничего хорошего.

– Так, значит, это правда? – спросил Михаил Романович, переводя взгляд на Арину, а потом и на меня. – Чем вы объясните, Миланова? А вы, Ланская, похоже, прикрываете больную?

– Михаил Романович, мы как раз хотели к вам обратиться, – оправдывалась я.

– Вы еще и врете? – возмутился врач. – Нам поступила жалоба от вашего соседа, что вы весь день громко кашляете. К тому же вы отсутствовали на занятиях. Арина, собирайте вещи и немедленно в лазарет. Вам выговор. А вам, Валерия, предупреждение.

Арина грустно вздохнула, виновато глядя на меня. К сожалению, у нас не было иного выбора, кроме как признать поражение.

Выговор же означал, что в главном холле университета две недели будет висеть позорное объявление, что студентка Миланова нарушила правило Оболенки. Да еще и преподаватели на лекциях будут обязаны осудить поведение девушки.

Мне захотелось встретиться лицом к лицу с соседом, который заложил Аринку. Я точно знала, что настучал Петр Авилов!

Когда мы учились на втором курсе, Арина и Петя начали встречаться. Роман продлился недолго, и они со скандалом расстались. С тех пор этот гад старался найти повод, чтобы хоть как-то навредить бывшей.

Но сегодняшний его поступок... Петр перешел все границы, и я не собиралась оставлять это безнаказанным.

Я покинула жилой корпус и решительно направилась к спортзалу, где проходила тренировка по баскетболу. Петька, конечно, уже там.

Но я столкнулась с Авиловым даже раньше, чем планиро-

вала, когда он выходил из учебного корпуса.

– Эй, Авилов! – крикнула я. – Ты еще не захлебнулся злобой?

– Ланская, бесишься только потому, что я отослал туберкулезницу в лазарет? – ехидно спросил он, мерзко прищурившись.

– Не смей так называть Арину. Ты просто не можешь смириться, что она не бегает за тобой, как какая-нибудь из твоих дурочек! – вспыхнула я.

– Да больно надо! Я бы с ней снова ни за что не сошелся бы. На ней негде пробу ставить, весь универ ей попользовался, – процедил Петька и зашагал к спортзалу.

Арина действительно была особой ветреной и с толпой поклонников, многие из которых прошли через ее постель. Однако я не могла позволить какому-то придурку оскорблять мою подругу. Не знаю, что на меня нашло, но я взяла горсть земли и швырнула в спину Авилова.

Парень резко повернулся и уставился на меня с такой яростью, что я мигом пожалела о своем поступке. Потом хотел было ринуться ко мне, но замер, а на его лице заиграла недобрая ухмылка.

– Тебе не стыдно, Лера? – нравоучительно заговорил он, чем окончательно меня обескуражил. – Я не собираюсь делать за тебя задание. Когда же ты начнешь учиться, а не пользоваться тем, что в универе преподает твой папочка?

– Авилов, ты совсем идиот?

– Могли бы извиниться, Валерия, – прозвучал позади меня грозный голос. – Вы считаете, что все должны плясать под вашу дудку?

– Арсений Витальевич, вы неправильно поняли, – бросила я до боли избитую фразу безо всякой надежды на понимание.

– На мой взгляд, все очевидно, – холодно сказал он.

– Я пойду, иначе опоздаю на тренировку, – обреченно выдохнул Петя. – Спасибо, что вступились, Арсений Витальевич.

– Разумеется, ступайте. А вы, Валерия, лучше бы занялись чем-нибудь полезным. Например, почитали бы книгу, это, знаете ли, развивает, – усмехнулся мерзавец, глядя на другого удаляющегося мерзавца.

– Кто бы давал мне такие советы! – выпалила я, не в силах терпеть подобное. – Как раз вам не мешало бы побольше читать, возможно, тогда научились бы мыслить, а не пересказывать учебники.

– Что? – прошипел он.

– Ваша лекция была пустой ахинеей, – прямо заявила я, – вы ни черта не смыслите в философии, а можете только пересказывать методичку для старших классов.

Арсений метнул на меня полный ненависти взгляд и приблизился почти вплотную. Между нами были считанные сантиметры.

– Держи свой длинный язык за зубами, девочка, – угро-

жающе проронил он, – с огнем играешь. – И Романов ушел, оставляя меня в полном ступоре.

Тогда я не приняла всерьез сказанное им в гневе, списав все на злость. Но это были не пустые слова.

Я даже не подозревала, как далеко меня заведет острый язычок.

3. Слабые попытки оправдания

Наиотвратительнейший день! Сначала мерзкий Арсений, потом Миланова со своим обманом, неприступный Михаил Романович с выговором, сволочь Петька и снова чертов Арсений! Да как он смел говорить со мной подобным тоном?! Напыщенный индюк!

Переполюемая яростью, я направилась к себе, но почти у порога комнаты вспомнила: отец обещал договориться с ректором, чтобы новый талантливый преподаватель стал моим научным руководителем. Нет-нет-нет! Такого я допустить не могла и помчалась к папе, но его не оказалось дома. Дозволиться тоже не удалось, сотовый – недоступен. Отец был слегка рассеянным: на лекциях отключал телефон, а после забывал включить.

Я побежала в университет, но и на кафедре папу не нашла, зато застала в аудитории Евгению Матвеевну Селезеву, преподавательницу эстетики. Статная женщина примерно сорока лет всегда выглядела слишком консервативно, и если бы не привлекательное, лишенное морщин лицо, можно было бы смело назвать ее зрелой дамой.

Стоило ее увидеть, и я вспомнила про званый ужин в честь мерзкого нового преподавателя, на который меня пригласил отец.

– Валерия, ты что-то забыла? – Приспустив на нос очки

в тонкой золотой оправе, женщина окинула меня строгим взглядом.

– Евгения Матвеевна, добрый день, – учтиво поздоровалась я, – вы не видели моего отца?

– Он уехал в город по университетским делам, – сообщила Селезнева и, все-таки сняв очки, закусила дужку, – но Андрей Николаевич успел предупредить, что ты придешь ко мне на ужин.

– Да, конечно, – наигранно улыбнулась я.

– Тогда до встречи, Валерия! – Селезнева снова нацепила очки и продолжила проверять какие-то тесты.

Я вернулась в корпус совершенно без настроения. И Аринки нет поблизости, чтобы выговориться. Я прилегла на кровать и, прикрыв глаза, задумалась о новом профессоре. Он очень странный и агрессивный, когда общается со мной. По сути, я ничего ему не сделала, малость нагрубила, но ведь это не смертельно. Наверное, есть смысл уладить конфликт? То, что лекция показалась мне поверхностной, могло быть заблуждением, основанным на предвзятом отношении.

Надо бы посмотреть на Арсения с другой стороны. Пожалуй, он переволновался на первом занятии или приберегал свои размышления для другого раза. В любом случае неумение вести лекции не свидетельствует о его глупости. Да и обо мне он сделал преждевременные выводы. Завтра нужно все исправить! С такими мыслями я спокойно уснула.

На следующий день, полная решимости наладить отноше-

ния с профессором, я поспешила на учебу. История средневековой мысли будет еще нескоро. Сначала предстояло вы- сидеть латынь и высшую математику.

Как только математик нас отпустил, я сразу направилась на кафедру философии с четким желанием побеседовать с Арсением.

Мне повезло, я застала его одного.

– Арсений Витальевич, можно с вами поговорить? – нервно спросила я.

– Валерия... – Профессор указал рукой на стул, и я послушно присела.

– Арсений Витальевич, вчера у нас произошел неприятный инцидент. Я вам нагрубила и хотела бы извиниться, – начала я.

– Вы умнеете на глазах, Валерия, – пробормотал мой собеседник, уткнувшись в книгу, которую читал до моего «вторжения».

– Но и вы были не правы, – не выдержала я, разозлившись из-за безразличия Арсения.

– Что вы сказали? – переспросил он, оторвавшись от книги, и сапфировые глаза вспыхнули недобрым блеском.

– Вы были не правы на мой счет. Конечно, я поступила некрасиво, когда заснула, но это произошло еще до лекции. У меня был насыщенный предыдущий вечер, – честно выпалила я.

Профессор приподнял бровь после заявления про «насы-

щенный вечер». Он точно неправильно меня понял, но сейчас это уже неважно – я не прикрываюсь тем, что отец здесь преподает.

– Вы можете во всем убедиться сами. Не хочу показаться нескромной, но медиевистика – действительно тот предмет, в котором я недурно разбираюсь.

– Это все, что вы хотели сказать? – равнодушно уточнил Арсений.

– Да, – пропищала я, чувствуя, что попытка навести мосты потерпела глобальное фиаско.

– Ладно, в таком случае присаживайтесь: сегодня мы проверим, на что вы способны, – вздохнул Арсений, вроде бы обрадованный тем, что мне нечего возразить.

После разговора с Романовым я еще сильнее утвердилась в мысли, что первое мнение о нем было верным. Высокомерие профессора раздражало: теперь стало делом чести доказать, что я и впрямь чего-то стою.

Арсений сказал, что сегодня у меня будет такая возможность. Отлично!

Аудитория постепенно заполнилась студентами, и я с трепетом ожидала начала семинара в надежде блеснуть познаниями. Но преподаватель читал книгу и лишь после звонка обратил внимание на студентов.

– Добрый день, – сухо поздоровался он, – сейчас вы напишете эссе. Хочу понять, умеете ли вы мыслить. Тема: «Логика Аристотеля в синтезе с христианским богословием как

основа схоластики». – Профессор Романов для наглядности записал тему на доске, обвел взглядом аудиторию и вновь сел за стол.

Студенты принялись за работу, Арсений углубился в чтение, а я украдкой за ним наблюдала. В этом человеке что-то настораживало. Тема, которую он предложил, слишком обширна, поэтому однокурсники в основном ограничатся общими фразами о логике и религиозной философии – схоластике. Неужели выдающемуся профессору будет интересно читать подобную банальщину? Мне было бы скучно.

Мне и писать-то скучно...

– Валерия! – как гром прозвучал его строгий голос. – Вам требуется особое приглашение, чтобы начать писать?

– Извините, просто обдумывала тему. – Я схватила ручку и принялась строчить определения, не желая раздувать ссору.

Арсений недовольно смотрел на меня, но, когда ручка забегала по бумаге, отвернулся к окну. До конца пары я старалась избегать зрительного контакта, хотя несколько раз чувствовала его взгляд.

Едва очередной звонок известил нас о свободе на ближайшие двадцать минут, я одной из первых сдала работу и практически выбежала из аудитории.

Следующим занятием была физическая подготовка. Она проходила в соседнем корпусе, где, кроме просторного зала, поделенного на секции по видам спорта, имелся бассейн. В

отличие от многих других вузов в Оболенке не считали физкультуру чем-то ненужным.

У нас отдавали должное спорту, и каждый студент в обязательном порядке добросовестно сдавал нормативы. Занятия вел Ян Эдуардович Гуревич, кандидат в мастера спорта по легкой атлетике и неоднократный призер российских и международных соревнований. Кроме того, Ян был молодым, привлекательным мужчиной, и многие студентки сходили по нему с ума.

Когда я, переодевшись и взяв бутылочку воды, вбежала в зал, Яна Эдуардовича еще не было. Отсутствием преподавателя не преминул воспользоваться Юрка и напомнил мне о несостоявшемся свидании.

– Я не забыла, Юр, но сегодня мы с отцом идем на ужин к Селезневой, – без энтузиазма отозвалась я: сейчас мысли были заняты другим и совсем съехали с романтического лада.

– Серьезно? – удивился он. – Я тоже там буду. Меня тащит Захар.

– Значит, у Селезневой и встретимся, – улыбнулась я.

– Ага, но от встречи наедине ты все равно не отвертишься, – подмигнул мне парень и ретировался к приятелям, потому что в зал вошел Ян Эдуардович.

Как обычно, Гуревич вытряхнул из каждого душу, заставляя нас отжиматься, приседать, делать выпады и стоять в планке по две с лишним минуты. Когда занятие окончилось,

я легла на коврик и невидящими глазами уставилась в потолок.

По мере того как ко мне возвращались силы, я начала рассматривать потолочную роспись, на которую раньше не обращала внимания. Справа от массивной люстры была изображена женщина, стоящая на одном колене у реки и выливающая туда же воду из кувшина. На заднем фоне раскинулся густой лес с детально прописанными деревьями. Но меня привлекла одна деталь. На крайнем дубе четко просматривался повешенный – точь-в-точь такой же, как и на копии гравюры, что передал Радзинский.

Еще раз изучив роспись, я заметила, что она не выглядит целостно, хотя все элементы удачно вписаны, но плохо вяжутся по смыслу с остальными. Здесь не было сюжета, а, скорее, просматривалась какая-то символичность. И я снова вспомнила профессора Радзинского и его загадочную смерть.

Наспех приняв душ и переодевшись, я направилась в библиотеку. В Оболенском университете это святая святых. Несколько огромных залов, соединенных между собой галереями, множество книг на стеллажах, толстые подшивки газет и журналов, архивы и генеалогические древа.

Уже более двадцати лет этим местом управлял Сергей Петрович, наш пожилой библиотекарь. В качестве помощников у него работало несколько методистов, но вся власть оставалась в его руках.

У меня сложились теплые и доверительные отношения с главным книжным хранителем, я часто коротала вечера в его владениях.

– Лерочка, детка, здравствуй! – расплылся в добродушной улыбке библиотекарь, стоило мне показаться в читальном зале.

– Здравствуйте... Как вы? – спросила я.

– Хорошо, милая. Решила позаниматься дипломом?

– Не совсем, – смутилась я. – У вас есть что-нибудь о символике в гравюрах?

– О гравюрах у нас много разного... Что именно тебя интересует? – прищурился пожилой библиотекарь.

– Нам надо написать работу об искусстве гравюры, а я знаю, что в старые времена в книжные иллюстрации любили закладывать тайный смысл. Я подумала, в библиотеке найдется информация по теме.

– Любопытно, – покачал головой Сергей Петрович, – сейчас что-нибудь подыщем. Ты же в курсе, Лерочка, в Европе гравюра возникла примерно в пятнадцатом веке – во время глобальных перемен. Книгопечатание, Великие географические открытия... А что до сюжетов, то они были самыми разными – от библейских до сатиры.

– А можно ли читать гравюры, например, как иконы, где есть устоявшаяся символика? – спросила я.

– В некотором роде. Граверы часто закладывали некий смысл в изображения, посвященные могли его истолковы-

вать, а прочие воспринимали простой картинкой. Например, Альбрехт Дюрер⁶. В гравюре «Рыцарь, смерть и дьявол»⁷ он изобразил собственные страхи, но, помимо прочего, детали имеют дополнительный смысл. Доспехи рыцаря означают твердую христианскую веру, песочные часы в руках смерти – короткую человеческую жизнь, – проговорил Сергей Петрович, протягивая мне увесистый фолиант.

– «Искусство гравюры», – прочла я название на обложке.
– Спасибо, Сергей Петрович.

– Не за что, Лерочка.

В книге, которую дал мне старый библиотекарь, подробно описывалась история гравюры – от возникновения до двадцатого века. Приводились и примеры символики изображений, однако трактовка зависела от исторического контекста и автора.

Чтобы понять смысл гравюры с повешенным и роспись на потолке спортивного зала, было необходимо выяснить, кто их создал и на чем основывался.

Вернув книгу и попрощавшись с Сергеем Петровичем, я направилась в жилой корпус, но по пути меня перехватил незнакомый паренек с первого курса экономического. Он уточнил, я ли Валерия Ланская, и сообщил, что меня разыскивает ректор. С грустью подумав о том, что планы на горя-

⁶ Альбрехт Дюрер (1471–1528) – немецкий художник, гравер и теоретик искусства. (Прим. ред.)

⁷ Гравюра «Рыцарь, смерть и дьявол» была создана в 1513 году. (Прим. ред.)

чий душ и любимый домашний халат отодвигаются, я поплелась в кабинет Серова.

Постучав и получив разрешение войти, я открыла тугую дубовую дверь и переступила порог ректорского кабинета. Иван Викторович важно восседал за столом, а перед ним в кожаном кресле сидел мой заклятый педагог.

При виде меня Арсений еле слышно хмыкнул и отвернулся к книжному шкафу, изображая заинтересованность ректорской библиотекой.

Серов пригласил меня сесть, и я устроилась в соседнем кресле.

– Арсений Витальевич, как я уже говорил, Валерия Ланская – одна из лучших студенток университета. К сожалению, трагическая смерть профессора Радзинского оставила нашу дорогую Леру без научрука. Дипломная работа студентки практически окончена, но без опытного шефства – никак. Я назначаю вас научным руководителем Ланской.

Мы с Арсением, изумленно и совершенно не сговариваясь, переглянулись. Ни одного из нас не устраивала совместная перспектива корпеть над дипломом. Но как убедить Серова, что нам не стоит сотрудничать?

– Арсений Витальевич будет для тебя, Лерочка, отличной возможностью написать серьезную работу. Помни, у каких профессоров учился он сам, – вкрадчиво добавил ректор.

– Спасибо, – вымученно улыбнувшись, ответила я.

– Не за что, Валерия, ты свободна.

Кивнув на прощание ректору и проигнорировав нового научрука, я практически выбежала из душного кабинета. Я предполагала подобный исход событий, но надеялась на удачное разрешение ситуации.

Да и Арсений мог бы возразить: очевидно, что ему совместная работа над дипломом нужна как собаке пятая нога. Век бы не видеть профессора, но, к сожалению, сегодня еще придется встретиться с Романовым на приветственном ужине!

Свободное время я решила посвятить учебе. Подготовка к коллоквиуму по эстетике помогла на время избавиться от неприятного гнетущего чувства, засевшего глубоко в душе. Меня ничуть не радовало, что остаток учебного года я буду выслушивать хамские замечания научрука.

Но несколько часов пролетели незаметно, и вот я уже открыла дверь довольному папе, одетому в лучший костюм. Стало даже как-то неприятно, что он так готовился к ужину в честь Арсения.

– Поздравляю, дочь! Профессор Романов теперь твой руководитель. – Отец раскрыл объятия, на которые я нехотя ответила: разделить с ним маленький триумф было выше моих сил.

– Да, – с досадой выдохнула я.

– Я еще вчера договорился с ректором, – похвастался отец.

Знал бы он, что отнюдь не доброе дело совершил!

– А теперь – скорее одевайся! Не будешь же ты у Селезневой в халате?

С тяжелым сердцем я кивнула.

Когда мы пришли в дом Евгении Матвеевны – надо сказать, что я церемонно держала отца под руку, – в ярко освещенной гостиной уже собрались гости. В воздухе ощущался запах готового ужина, помощники из obsługi разливали шампанское, слышался смех преподавателей.

Я окинула взглядом комнату и заметила Нилова, беседующего со своим братом и Аристархом Борисовичем. При виде меня парень тут же бросился ко мне, чему я несказанно обрадовалась, надеясь, что Юрка скрасит скучный вечер.

Нилов поздоровался и протянул мне бокал с соком – студентам даже по праздникам было запрещено употреблять алкоголь – и намеревался пошутить про праздник, но нас прервал ректор, требующий уделить минуту внимания.

Иван Викторович вышел вперед и громко представил нового преподавателя. Я попыталась найти взглядом Романова, но заметила его, только когда он подошел к ректору. Первый раз я увидела его улыбку, и, к моему ужасу, она мне понравилась. Мужчина вообще выглядел безупречно – кипенно-белая рубашка, черный смокинг и бабочка. Он действительно был красавцем, хотя на лекции таковым не казался: равнодушное лицо вкупе с наглым поведением не прибавляли ему обаяния.

Романов поприветствовал коллектив и выразил призна-

тельность за теплый прием. Он осматривал собравшихся и наконец встретился взглядом со мной. Не удержавшись, я приветливо кивнула, на что он прищурился и плотно сжал губы, а потом вновь продолжил приветственную речь.

Я разозлила профессора. Неужели одним лишь своим присутствием?

После пафосной речи Романова всех пригласили к столу. Удивительно, как повара столовой, ежедневно пичкающие студентов одними и теми же пресными блюдами, сумели приготовить не меньше десятка ресторанных изысков. Правда, вычурный ужин напоминал хорошо поставленный спектакль: ведь каждый гость играл отведенную ему роль, рассказывая вызубренный наизусть текст. Нудные беседы не скрашивала даже запеченная индейка, на подрумяненное бедрышко которой я сразу положила глаз. Увы, аппетит испортил новый преподаватель. Арсений сел напротив и постоянно кидал на меня сердитые взгляды. Я терялась в догадках, что же сделала этому человеку. Не мог же он быть настолько злопамятным, что мстил за первую встречу. Почему именно я стала объектом вечного недовольства? Поведение его напоминало какую-то нездоровую, маниакальную неприязнь.

Когда он в очередной раз исподлобья посмотрел на меня, терпение лопнуло. Извинившись и сославшись на головокружение, я встала и вышла в сад, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом.

На улице было чертовски хорошо – особенно по сравне-

нию с душевной гостиной. Прикрыв глаза, я облокотилась о вековое дерево и мысленно стала вести обратный отсчет до того момента, когда мое отсутствие станет неприличным и придется вернуться.

Неожиданно я почувствовала на плече тяжесть чьей-то руки. Вздрогнув от испуга, я распахнула глаза и увидела Арсения. Не знаю, что это было: чарующий ясный вечер, волшебный свет луны или дьявольские чары преподавателя. Слабый аромат профессорского парфюма дурманил, и все здоровые мысли покинули голову, обнажив первобытные инстинкты любой женщины вблизи привлекательного мужчины.

Я чуть подалась вперед и перевела взгляд на его губы. Профессор склонил голову, и мое лицо опалило горячее дыхание с примесью алкогольной горечи.

– Не представляю как, но ты приложишь все силы, чтобы меня сняли с должности твоего руководителя. Я не буду тратить на тебя ни минуты. Выкручивайся как хочешь, но поверь, это в твоих же интересах, – прошептал дьявол в обличье человека.

Я хотела было ответить, но Арсений пошел прочь, не дожидаясь моих слов.

4. Книга в книге

Совершенно сбита с толку речами профессора Романова, я стояла столбом. Во мне смешались обида, злость и страх, возвращаться на прием совершенно расхотелось.

Видеть сейчас Арсения – все равно что идти к дантисту: нет никакого желания, заранее знаешь, что будет неприятно, но выбора не остается. И если раньше я еще пыталась как-то оправдать профессора, то теперь он переступил черту.

Что же, черт возьми, такого я сделала напыщенному индюку? Его слова звучали как угроза, не хватало только ножа у горла или дула пистолета меж ребер. И как можно было помыслить, что он привлекательный? Наверное, отсутствие мужчины окончательно снесло мне крышу. Впервые за все годы я позволила естественным инстинктам победить разум, но направила либидо отнюдь не туда, куда нужно.

А куда надо? Да и нужно ли? У меня диплом, учеба, а я думаю о любви...

Хотя кто говорил о любви? В конце концов, я – молодая женщина, мое тело требует ласки, что вполне логично. Отсюда и разного рода странные мысли, героем которых вдруг стал новый преподаватель.

Я глубоко вздохнула и задержала воздух мышцами живота. Известное йоговское упражнение должно унять бешеное сердцебиение, а заодно настроить на неизбежную встречу с

Романовым.

К сожалению, не очень хорошо получилось, но я убедила себя, что теперь готова вернуться. Однако не успела я двинуться к дому, как налетела на Юрку.

И как же была ему рада.

– Лер, ты куда запропастилась?

– В гостиной духота, вот и решила подышать, – наполовину соврала я.

– Андрей Николаевич волнуется. Давай уже обратно? – Юра приобнял меня за талию, как бы невзначай подталкивая на дорожку, и жеста парня оказалось вполне достаточно, чтобы мои эмоции вылетели наружу.

Я прильнула к Юре, крепко прижавшись к нему всем телом. Мне отчаянно требовалось испытать то же самое желание, что и по отношению к Арсению, доказать таким образом свою правоту, что мне просто-напросто нужен мужчина.

– Лер, ты точно в порядке? – Голос Юры дрогнул, парень был не слишком уверен, ну а дело заключалось во мне. Возможно, считал, что я передумаю.

– Да, я же сказала, – прошептала я и подняла взгляд на его губы, мечтая почувствовать то же, что и к Арсению.

Этого было мало. Словно движимая какой-то невидимой силой, отбросив сомнения, стеснительность и страх, я страстно поцеловала Нилова.

Юрка ответил не сразу, поначалу опешил, не ожидая моей инициативы, но быстро реабилитировался и практически

вжал меня в дерево, которое было свидетелем сцены с Арсением.

Запустив руку в густые волосы парня, я потянула Юрину голову назад, тем самым обнажив его шею. Мои губы заскользили вниз, а стоило немного прикусить кожу, как парень издал легкий стон. Но все, что я делала, было лишь игрой.

Мне хотелось чувствовать себя опытной, сильной женщиной, пусть такой я и не являлась. Зато Юрка воспринял происходящее всерьез. Бедром я чувствовала его возбуждение, он уже беспардонно ласкал мою ягодицу одной рукой, в то время как вторая оглаживала вырез платья.

Еще немного, и моя глупая шалость грозила перерасти в серьезную ошибку. Пора это прекращать.

– Нам, правда, нужно возвращаться, – отстранившись и пытаясь восстановить дыхание, проговорила я.

– Хорошо, – с улыбкой мартовского кота ответил Юрка. – Идем. – Он взял меня за руку, переплетая наши пальцы, и повел к гостям.

Очувившись в гостиной, мы сразу же привлекли к себе внимание. Папа нахмурился и громко отодвинул мой стул, на который я обреченно плюхнулась, получив короткий выговор за долгое отсутствие и неподобающий внешний вид. Растрепанные волосы и распухшие от поцелуев губы практически кричали, чем я минуту назад занималась в саду.

И да, это, конечно, было неуважением к собравшимся,

но волновал меня исключительно Арсений. Почему-то перед ним было стыдно, хотя реальной причины на то не имелось. А вот Юрка светился от счастья, игнорируя грозный взгляд моего отца.

К счастью, сразу после ужина виновник торжества удалился, сославшись на необходимость готовиться к лекциям. Но, судя по методике его преподавания, то была пустая отговорка. Только полный идиот не заметил бы, что молодой профессор на званом вечере чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя женская половина преподавательского состава явно им очарована. Чего стоили знаки внимания Селезневой, которая лично подавала гостям десерт.

К одиннадцати часам и мой папа выказал желание уйти. Он, как и положено, поблагодарил хозяйку за изумительный ужин, а коллег – за интересные беседы. Евгения Матвеевна, в свою очередь, предложила задержаться еще на чашку чая, но отец вежливо отнекивался.

Мы шли вдоль преподавательских коттеджей, наслаждаясь ночной прохладой. Тишину нарушали лишь прощальные крики птиц, которые совсем скоро отправятся на зимовку в теплые края. На черном небе холодным блеском мерцали звезды. Но даже это сказочное мгновение не смогло успокоить отца, и он завел разговор обо мне и Юре. Я знала, что папе он нравится, тем более и старший брат парня в свое время учился у отца.

Юрка всегда вызывал папину симпатию своей обязатель-

ностью, усердием и умением идти к цели, однако всегда оставался главным заводилой университета. Но как бы хорошо отец ни относился к парню, когда дело касалось единственной дочери, никакие аргументы не принимались.

Выслушав мой рассказ и тяжело вздохнув, папа нехотя дал согласие на свидание с Ниловым, но при условии, что я буду благоразумной. И пусть я выросла, а другие уже имеют опыт общения с парнями и, конечно, не только платонический, я, по мнению отца, – другой случай.

– Я обещаю, что буду благоразумной. Ты ведь меня знаешь. Тебе не о чем волноваться, – взяв отца покрепче под руку, проговорила я.

– Да, Лерочка, но я не могу не тревожиться. Ты – моя гордость, единственная дочь, звезда университета!

– Кстати... пап, я бы не хотела работать над дипломом вместе с Арсением Витальевичем...

– Что?! – Отец остановился и пристально посмотрел на меня. Поняв, что в моих словах нет ни намека на шутку, он нахмурился.

– Дело в том, что у нас сразу не сложились отношения, да и подход к теме совершенно разный. К тому же мы умудрились повздорить. – Я перевела дыхание, чувствуя, как покалывает кончики пальцев под суровым отцовским взглядом.

– Валерия, что с тобой? Романов – блестящий медиевист и талантливый ученый. Даже если у вас разные взгляды на изучаемую проблематику, это только на пользу! Вспомни, еще

Сократ⁸ говорил, что истину можно найти в споре, и если один из оппонентов считает себя умнее, то должен помочь другому отыскать правду. Он рекомендовал принять позицию противника и вместе с ним доказать ее ошибочность. – Первый шок прошел, и отец, успокоившись, снова повел меня к дому.

– Да? А Ювенал⁹ считал, что следует воздержаться от спора, поскольку спор как раз и является самым невыгодным условием для убеждения!

– Именно, Ювенал твердил про убеждение. А вам не надо никого ни в чем заверять! – усмехнулся папа. – Вам необходимо достойно написать работу. Он будет твоим руководителем – и точка. Между прочим, об этом я просил ректора как о личной услуге и не стану идти на попятную.

Я потерпела фиаско. Теперь оставалось сообщить вердикт Арсению, но совсем не хотелось сталкиваться с ним вновь. Промучившись всю ночь от бессонницы, как декабрист перед казнью, утром я поплелась на кафедру к Романову...

Все-таки человеческая психология – удивительная вещь. Мне было страшно встречаться с Арсением, чем ближе я подходила к заветной аудитории, тем тяжелее становилось на душе. Единственное, что хоть как-то подбадривало, – до

⁸ Сократ (ок. 469–399 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, уделявший особое внимание человеку и его внутреннему миру.

⁹ Децим Юний Ювенал (между 50 и 60 гг. – ок. 127 г.) – римский поэт-сатирик, сочинивший стихотворные «Сатиры» в пяти книгах.

следующей недели его лекций больше не будет. Может, за несколько дней гнев Романова поутихнет.

Набравшись смелости, я постучалась.

– Войдите, – прогремел голос злосчастного преподавателя.

– Мне надо поговорить с вами, – протиснувшись в полуоткрытую дверь, пролепетала я.

– Слушаю вас, Ланская. – Арсений, как обычно, читал книгу, но на сей раз отложил ее, всецело сосредоточившись на мне.

Под его пристальным взглядом я села за первую парту перед преподавательским столом.

– Арсений Витальевич, я побеседовала с отцом...

– И? Он разрешит нашу проблемку? – воодушевился мужчина, чем напомнил мне десятилетнего паренька, которому пообещали вкусную конфету.

– Вы останетесь моим руководителем, – вздохнула я.

– Что ж, ладно. Пишите ваш диплом. Потом принесете на проверку, когда будет готово.

Такой реакции я не ожидала. Арсению как будто безразлично, останусь я его дипломником или нет, хотя накануне он мне почти угрожал.

Какой странный тип...

– Но, полагаю, диплом практически написан. Осталось всего ничего, дерзайте, – недобро улыбнулся он и опять взялся за книгу.

– Но у меня есть вопросы!

– Вы же умная, Валерия, уверен, что быстро найдете ответы. Я буду ждать готовые главы. А теперь вы идите.

– Надеюсь, вы не перережете мне горло, когда я сдам вам работу? – не удержалась я.

– Нет, Валерия, вы – не та, из-за кого я бы хотел очутиться в тюрьме, – раздраженно бросил он и отмахнулся от меня, как от назойливой мухи.

Я хотела огрызнуться, но Арсений не дал, указав на дверь.

Без истории средневековой мысли и одного крайне неприятного профессора занятия пролетели мгновенно. Я даже не заметила, как звонок возвестил об окончании последней пары и свободе от учебы до понедельника. Правда, в отличие от сокурсников, для которых пятница являлась днем отдыха, я планировала заняться дипломом. И не последнюю роль в этом рвении сыграл Романов. Хотелось скорее закончить очередную главу, чтобы он не смог придрататься к тому, что я плохо работаю.

Я уже почти добралась до жилого корпуса, но вдруг вспомнила про книгу. Ее обещал дать мой прежний научрук, но так и не успел – трагический случай оборвал жизнь Радзинского.

И пусть это нехорошо, но я решила найти книгу в личной библиотеке профессора Радзинского. Дом погибшего преподавателя пустовал, но я знала, что Павел Аркадьевич хранил запасной ключ под цветочным горшком на веранде.

Удача мне сопутствовала: ключ оказался на месте, на улице никого не было, и я беспрепятственно проскользнула в дом покойного профессора.

В нос сразу же ударил неприятный затхлый запах, захотелось распахнуть окно, но это было слишком рискованно. Похоже, в жилище Радзинского не приходили: мебель покрылась слоем пыли, разбросанные впопыхах вещи лежали явно не на своих местах.

Все было так, как в нашу последнюю встречу с Павлом Аркадьевичем. Чтобы не нагонять на себя грусть, я направилась в библиотеку и достала с полки нужную книгу.

Вернувшись в гостиную, я не удержалась, открыла фоллиант, устроившись на диване, и машинально кинула свою сумку на журнальный столик, как делала всегда, когда приходила к Радзинскому работать над дипломом.

Но сумка не долетела до столешницы. И только теперь я заметила, что столик находится от дивана дальше обычного. Открытие заставило по-новому взглянуть на комнату и обнаружить странные детали.

Столик – дальше от дивана, подсвечники стоят под другим углом, рамки для фотографий немного сдвинуты. Я проводила у профессора дома много времени, поэтому прекрасно запомнила обстановку, в отличие от человека, попытавшегося воссоздать ее по памяти. Но кто это был и что ему надо в доме покойного? Может, искали гравюру, которую Павел Аркадьевич передал мне?

Значит, это мог быть только убийца.

Стоп! Я уже говорю про убийство? А я не сочиняю? Хотя я с самого начала это подозревала. Но что, если взломщик искал вовсе не рисунок? А чего же он хотел?

Наверное, вещь до сих пор находится где-то здесь. Нужно осмотреть дом Радзинского.

Начала я со спальни. Кровать, стол, тумбочка, диванчик, шкаф... Ничего такого, что могло бы привлечь внимание. Типичная комната одинокого пожилого мужчины. Ванную я осмотрела довольно быстро и тоже ничего не нашла. А вот в библиотеке пришлось повозиться. Я просматривала одну книгу за другой, пролистывая каждую страницу, заглядывая под каждый корешок. Ничего.

Снова ничего. Пока...

Я достала том Линдола Бишоп «Алхимия как путь к истине»¹⁰, открыла его, но вместо страниц с текстом увидела прорезь, где лежала другая, похожая на карманную Библию, книжка. У нее не было ни автора, ни заглавия, только гладкая обложка из темно-коричневой кожи. Но самым интересным оказалось то, что вместо текста в ней были гравюры, причем каждая имела подпись.

Пролистав до середины, я отыскала уже знакомого повешенного. «Предатель».

Итак, гравюра называется «Предатель».

В голове тотчас возникла логическая цепочка и главный

¹⁰ Книга является выдумкой автора, как и имя Линдол Бишоп.

вопрос: кого предал Радзинский, что поплатился за это жизнью? Труд Бишопы я убрала на место, а вот таинственный сборник гравюр прихватила с собой.

Уже без особого энтузиазма осмотрела гостиную и кухню и, не найдя ничего интересного, решила вернуться в студенческий корпус. Конечно же, моя дипломная работа моментально ушла на второй план, уступив значимое место размышлениям о Павле Аркадьевиче. Получается, его смерть не несчастный случай и даже не убийство. Профессора приговорили к казни, он был в курсе приговора, поэтому и хотел бежать. Но Оболенка – закрытый университет, куда не так-то просто попасть кому-то со стороны.

Здесь Радзинский находился в бóльшей безопасности, если только преследователь – не кто-то из Оболенки.

Другой вопрос, мучивший меня: изображение на потолке спортивного зала, ведь роспись также могла нести сакральный смысл. Мне не терпелось поскорее прийти в свою комнату и изучить загадочную книжку. Вдруг я увижу и другие изображения.

Кроме того, я никогда не обращала внимания на потолочные и настенные фрески Оболенки. А они могут быть весьма любопытными.

В детстве мама говорила мне, что на улице нужно быть осторожной. Всегда смотреть по сторонам и себе под ноги, чтобы не споткнуться и ни на кого не налететь.

И почему я плохо ее слушала? Погруженная в свои мыс-

ли, не замечала ничего вокруг и уже собиралась завернуть за угол, как вдруг с кем-то столкнулась. Я бы обязательно оступилась или даже упала, если бы кое-кто не успел меня подхватить.

Можно было и не поднимать голову: я сразу угадала, кто передо мной. Терпкий парфюм, как и прошлым вечером, дурманил, стоило только вдохнуть. Он, как ядовитый газ, проникал в легкие, пробирался до сердца, сводил судорогой горло.

Однако я посмотрела на мужчину, заведомо понимая, что окунусь в волну презрения и неприязни.

– Здравствуйте, Арсений Витальевич.

5. Игра

– Валерия, добрый день! – на удивление учтиво поздоровался Арсений и вроде бы приветливо взглянул на меня. – Хорошо, что встретил вас.

– У вас ко мне дело? – удивилась я.

– Да. – Он почесал шею, что выдало его тревогу. – Я ведь ваш руководитель. Мне стоит ознакомиться с вашей работой, прежде чем вы принесете на вычитку новые главы.

– С радостью покажу наработки, – вдохновилась я, а в душе промелькнула надежда, что с Романовым может что-то и получится, если он заинтересуется дипломом.

– В таком случае, если вас не затруднит, занесите черновики завтра в обед.

– Хорошо, в три вам будет удобно?

– Да, буду ждать, – ответил преподаватель. – Мой дом напротив коттеджа вашего прошлого руководителя: тот, что с зеленой крышей.

– Спасибо. Завтра буду у вас.

– Что ж, Валерия, всего хорошего. – Он поклонился, прямо как герой фильма про английских лордов, и пошел прочь.

Пусть не по своей воле, но Арсений попросил принести ему наработки, что не могло не радовать, но сейчас меня вообще не волновал диплом.

Поднявшись в свою комнату, я достала книжку Радзин-

ского и принялась ее рассматривать.

Это был не новый экземпляр: пожелтевшие страницы и потрепанная обложка свидетельствовали, что моей находке не один десяток лет, но, судя по прошивке, возраст ее не более века.

Пролистав книгу от корки до корки, я сумела найти и ту самую гравюру, увеличенный рисунок с которой украшал спортивный зал, – «Невиновность». А на предыдущих страницах тоже имелись иллюстрации: уже знакомая мне гравюра «Предатель» и другая – «Суд».

Последняя, конечно же в виде росписи, была на северной стене спортивного зала: огромные весы с гроздью винограда на одной чаше и яблоками на противоположной. Никогда раньше я не трактовала изображение вот так, полагая, что подразумевалось простое взвешивание продуктов.

Если же проследить последовательность изображений по книге, можно увидеть логическую цепочку. Суд, который решит, предатель ли ты или невинен. Иными словами, над Радзинским вершился суд, а приговор мне хорошо известен. И его исполнения не зря боялся Павел Аркадьевич.

Я вспомнила, что говорил мне отец, будто у Павла Аркадьевича началось помутнение рассудка и он нес какую-то околесицу. Нужно выяснить, о чем разглагольствовал Радзинский, чего и кого боялся.

И пусть отец просил не лезть в темные дела, я действительно не могла оставаться в стороне.

Я пришла к папиному дому и уже внаглую хотела потянуть за ручку, как дверь распахнулась и на пороге появилась Лена Королева, студентка отца.

Мы учились на параллельных курсах, но никогда особо не общались. Папа часто хвалил Лену, а ей рассказывал про мои успехи. В общем, мы были знакомы заочно куда больше, чем реально.

– Значит, отец дома, – улыбнулась я, – привет, Лен.

– Ага, он у себя. Мы как раз закончили на сегодня с моим дипломом. – Девушка театрально изобразила облегчение, и мы расхохотались.

– Как продвигается работа?

– Замечательно, Андрей Николаевич мне очень помогает. А ты как? Слышала, работаешь с новым профессором?

– Да, но мы еще не начинали толком заниматься. Завтра принесу ему черновики.

– Ничего, у вас впереди целый год. – Ленка подмигнула мне. – А он красавчик.

– Как-то не смотрела на него в этом плане, – солгала я, в то время как воображение всюду рисовало его злосчастный образ.

– И правильно, зачем тебе старпер, когда рядом есть Нилов, – заметила девушка, но, взглянув на часы, засуетилась.

– Извини, пора бежать.

– Пока!

Отца я обнаружила на кухне, он пил ароматный кофе и

совершенно не слышал моих шагов. Пользуясь его задумчивостью, я подошла со спины и крепко к нему прижалась.

Он засмеялся, поставил на стол кружку и развернулся ко мне.

– Лерочка, дочка, ты чего?

– Я не могу навестить папочку? – игриво спросила я, делая глоток из отцовской кружки. – Сахар! Папа, тебе нельзя!

– Всего две ложки. Ты же в курсе, я не могу пить кофе без сахара.

– Тебе бы и от кофе отказаться... – задумчиво проговорила я и, выпутавшись из папиных объятий, вылила остаток напитка в раковину.

– Точно, но что-то вдруг захотелось... Милая, ты зачем пришла? – Он серьезно посмотрел на меня.

– Я соскучилась.

– Тогда пойдем в гостиную.

Папа заварил чай, и некоторое время мы беседовали на самые разные темы, не связанные с причиной моего визита. Но когда речь вернулась к диплому, появился шанс коснуться запретного.

– Кстати, о Павле Аркадьевиче, – начала я, – ты говорил, что в последнее время его тревожили странные мысли.

– Возраст, милая, – развел руками отец, – он на старости лет выдумал невесть что и сам в это поверил.

– Например? – не унималась я.

– Зачем тебе забивать свою прекрасную головку всякой

чушью? – Отец подлил мне в чашку кипятка. – Лучше расскажи, как твоя работа с новым преподавателем.

– Но почему глупостями? Я лишь хочу знать, что его тревожило.

– Для чего, Лер? – неожиданно строго спросил отец, со звоном поставив свою чашку на блюде.

– Мне нужно, – прошептала я.

– Повторяю, Лера, для чего?

– У меня есть подозрения, что его смерть не была случайной. – Я виновато посмотрела на отца и испугалась его тяжелого взгляда, словно была не его дочерью, а студентом на пересдаче.

– Откуда такие подозрения? – процедил папа.

– Выстроила логическую цепочку. Павел Аркадьевич загадочно вел себя перед отъездом. Его напутствие мне, как будто он не вернется, а потом авария. – Про гравюру я решила умолчать.

– Ты уже говорила кому-нибудь о своих подозрениях? – Отец не на шутку разнервничался, что мне совсем не понравилось.

Неужели он осведомлен куда больше, чем я думала?

– Нет, никому. Только тебе.

– Вот и не говори! – строго проронил он. – Все, что ты сказала, должно оставаться в стенах этого дома.

– Тебе что-то известно?

– Ничего, кроме того, что нельзя забивать голову бредом

сумасшедшего, – грозно сказал отец. Еще немного – и он бы повысил голос.

Но я не могла пасовать.

– В чем заключался его бред?!

– Лера!

– Папа!

Отец вздохнул и взял меня за руку. Впервые я смогла победить: ведь всегда безропотно его слушалась.

– Радзинский чрезмерно увлекся средневековыми текстами: алхимия, метафизика и прочее. Он уверовал, что в Оболенском университете правят темные силы. В общем, паранойя.

– Но на чем-то он должен был основываться...

– Да, на книгах, которые прочел. А их – тысячи, – с раздражением буркнул папа, но я не унималась.

– Он говорил что-то конкретное? И что за силы?

– Лера, надеюсь, ты не веришь в подобную чушь?

– Не верю, но хочу во всем разобраться. Папа, я не успокоюсь, пока не выясню, что случилось на самом деле.

– Дочка, ты уже в курсе его трагической кончины. – Отец обнял меня и поцеловал в макушку. – А прочее – только твоя фантазия. Пообещай, что оставишь затею с расследованием и никому не проболтаешься о своих подозрениях.

– Ладно, – помолчав, ответила я.

Отец немного успокоился. Он думал, что я сдалась, хотя это было не так.

Прекратить начатое, когда даже маломальские факты буквально кричали об убийстве? Нет, такое выше моих сил.

Пробыв в отцовском доме еще около получаса, обсуждая все на свете, кроме запретной темы, я поняла, как сильно нуждалась в семье.

Мы не были близки, но я безумно любила отца, и наши нечастые совместные вечера многое для меня значили, а до переезда в Оболенку жизнь была совершенно иной.

Я росла беззаботной девочкой, которую не ругали за четверки, разрешали прогулять физкультуру. Мне постоянно твердили, что я любимая дочурка. Мама была самым близким человеком, а ее гибель оказалась для меня настоящим ударом.

Отец хорошо обо мне заботился, всегда интересовался дочерними делами и успехами, но в отличие от мамы не сумел стать настоящим другом.

Папа мечтал видеть во мне свое продолжение, поэтому воспитывал в строгости и пиетету к учебе. Однако все это способствовало тому, что я постепенно превращалась в робота.

И только почувствовав вкус к жизни в объятьях отца, поцелуе с Ниловым и в том странном чувстве, что возникало рядом с Арсением, я поняла, что не хочу оставаться безвольной куклой, подчиняющейся чужой воле.

Разговор меня расстроил, глупо отрицать, что папа что-то не знает. Я очень боялась, что и отцу грозит опасность.

Промелькнула и другая безумная идея, что папа в чем-то замешан, но ее я быстро отогнала. Чтобы взбодриться, решила принять душ, но даже вода не смыла груз переживаний.

Спать не хотелось, заниматься дипломом тоже. Как раз во время раздался стук в дверь.

Мой однокурсник и по совместительству сосед сверху Альберт Шульц, кстати, потомственный немецкий барон, пришел позвать на импровизированную вечеринку.

Шульцы обосновались в России еще при Екатерине Второй, в рамках ее политики по приглашению иностранцев¹¹. Предки Альберта учились в Оболенке, но славная семейная традиция была нарушена революцией.

Шульцы вернулись на историческую родину только после падения советской власти, вот тогда Ал и стал студентом фамильной альма-матер.

Обычно я отказывалась от поздних посиделок, но теперь согласилась посетить вечеринку.

Альберт часто по пятницам приглашал к себе ребят, а сейчас у него собрались студенты практически со всех курсов.

Стоило зайти в комнату Ала, как Юрка Нилов, который

¹¹ Речь идет о манифесте 1762 года, а также о манифесте 1763 года: согласно этим документам Екатерина Вторая предоставляла ряд льгот иностранным поселенцам (преимущественно немцам). В это время возникла необходимость заселения неосвоенных земель (иностранцы, поселившиеся в сельской местности, освобождались от налогов на тридцать лет). Помимо прочего, Екатерина Вторая переписывалась со многими иностранцами, некоторые из них были приглашены в качестве просветителей.

играл в карты с Петькой, подлетел ко мне.

– Что ты делаешь? – рассмеялась я, когда парень подхватил меня на руки и закружил.

– Радуюсь, что ты пришла, – опуская меня на пол, ответил Юра. – И чего вдруг выбралась потусить, обычно сидишь вечерами затворницей над книгами?

– Захотелось развеяться. Во что играете? – поинтересовалась я.

– Бридж. Присоединишься?

– Я буду лишняя. У вас уже сформированные пары.

– Тогда будешь моей моральной поддержкой, – предложил он и, усевшись на место, похлопал по своей коленке.

– Хорошо, – ответила я и, проигнорировав намек Юрки, поставила рядом свободный стул.

Игра в карты была популярной забавой в Оболенке. Не имея возможности веселиться шумно, мы находили развлечение в картах, нардах или шахматах. Кто-нибудь со стороны решил бы, что мы психи, ведь на дворе двадцать первый век, кругом клубы, бары, выпивка, интернет, в конце концов. Но университет нас выдрессировал: мы панически боялись нарушить здешние правила.

Бридж был одной из любимых забав, правда, играть на деньги запрещалось, но на кон ставились помощь в написании рефератов, составление докладов и прочие полезные вещи.

Я устроилась рядом с Юрой и заглянула в его карты. Рас-

клад оказался неважным, но уж очень хотелось, чтобы парень «сделал» этого выскочку Авилова.

Ему я еще не простила подставу перед Арсением.

– Ну, Лер, как его картишки? – усмехнулся Петька.

– Не беспокойся, он сможет выиграть. – Гордо вздернув носик, сказала я, словно вопрос Авилова задел лично меня.

– Ничего не имею против честной игры, – развел руками парень.

Партия продолжилась, но я вновь погрузилась в размышления, не обращая внимания на ходы ребят, шутки Нилова и грубости Пети.

– Лер, где ты витаешь? – Юрка накрыл мою руку ладонью и чуть сжал. – Мы доиграли.

– Я задумалась...

– О чем?

– О символизме изображений, – честно ответила я и переплела наши пальцы.

– Символизме изображений? – удивилась Лена, незаметно оказавшаяся рядом с нами. – И что?

– Любопытно, что простой на первый взгляд рисунок может нести глубокий смысл. К примеру, карты. Мы смотрим на щит с мечом и понимаем, что перед нами туз, самая сильная карта. У нас в Оболенке почти все стены и потолки расписаны, что, если это не просто изображения, а некие послания?

– Послания, зашифрованные два с лишним века назад...

Занятно, – протянул Юрка.

– Даже если так? Может, университетские росписи – тайный язык, к которому прибегали первые художники, работавшие в Оболенке? Наверное, им до сих пор пользуются.

– Ты прямо как Радзинский, – ухмыльнулся Петя, передразнивая профессорскую манеру говорить.

– Что ты имеешь в виду? – опешила я.

– Однажды я пришел к нему с дипломом, он усадил меня в гостиную и затянул такую же волюнку, как ты сейчас, – отмахнулся парень.

– И что именно он говорил?

– Рассказывал про росписи на стенах Оболенки, мол, они срисованы с какой-то книги, каждый рисунок имеет определенное значение, и даже не одно. Точно из ума выжил старик. Да еще и тебя безумием заразил.

– То есть ты не можешь допустить мысли, что заслуженный профессор, возможно, был прав? Он объяснил, откуда срисованы изображения? И что за книга?

– Радзинский совсем с катушек съехал. Ты дура, если всерьез восприняла его бред. Оболенку разрисовали чисто ради красоты, иначе бы мы об этом знали. Радуйся лучше, что тебе нормального руководителя дали. Тот умалишенный всех достал.

– Какой же ты козел, – процедила я, а Авилов пожал плечами и расплылся в улыбке, словно был доволен, что я озвучила его истинную сущность.

Ребята менялись парами и готовились к новой партии, но мне стало скучно, да и в сон начало клонить. Попрощавшись, я собралась уйти, но Нилов моментально увязался за мной, чтобы проводить.

По пути он держал меня за руку, будто я его девушка, однако с выводами Юра поторопился. Нилов мне симпатичен, нравился как человек, но никакого влечения я не испытывала. Может, нужно время?

Мы остановились у двери моей комнаты, и я уже хотела ускользнуть от Юрки, но парень ловко ухватил меня за локоть и притянул к себе.

– Ты помнишь про завтрашний вечер? – прошептал он, склоняясь так близко, что я почувствовала его горячее дыхание.

– Конечно, пом...

Он не дал договорить, нежно целуя, что было чертовски приятно, но не настолько, чтобы потерять голову. Я снова попрощалась – на сей раз более скромно, и открыла дверь в комнату.

Не раздеваясь, я легла на кровать и хотела полистать книжку Радзинского, но не заметила, как уснула. Ночь выдалась холодная, и под утро мороз пробрался в комнату, отчего я проснулась в половине четвертого утра.

Прикрыв окно и укутавшись в одеяло, я постаралась расслабиться, но ничего не получилось. К четырем окончательно надоело ворочаться, и, чтобы подустать и позже прова-

литься в сон, я решила прогуляться по университетскому городку.

В кронах деревьев шумел ветер, уже всюю облетала листва, накрапывал мелкий дождь, а я бездумно брела по пустой сумрачной аллее. Только очутившись у дома бывшего научрука, я сообразила, как далеко зашла.

Легкая куртка отяжелела от влаги, а кеды совершенно вымокли: пора возвращаться, чтобы не разболеться. Не очень-то хотелось оказаться запертой в лазарете. Я уже собиралась пойти обратно, но мое внимание привлек слабый свет в окне дома напротив.

В такой час Арсений не спал, интересно, почему?

Бессонница или он уже встал?

Снедаемая любопытством, я прошмыгнула поближе к дому Романова и, взобравшись на бордюр, постаралась посмотреть в окно. Увы, плотно задернутые шторы не оставили ни единой щелочки для обзора.

Я решила пройтись вокруг коттеджа, предположив, что наткнусь на что-нибудь, но и тут не повезло... По какой-то причине я опять вернулась к тому самому окну и забралась на бордюр.

Внезапно в комнате раздалось негромкое жужжание. Оно напоминало звук работающей техники, но какой именно, я понять не могла.

Наверное, это было слишком отчаянно и глупо, но я просунула руку в полуоткрытое окно и попыталась чуть сдви-

нуть штору, однако не удержалась и упала. К счастью, пышные кусты смягчили падение, и я не сильно ушиблась.

Вот только вышло чересчур громко – Арсений, привлеченный источником шума, резко раздернул шторы и выглянул наружу. Я съежилась, стараясь спрятаться в листве, и он вроде бы меня не увидел. Еще некоторое время высматривал предрассветного возмутителя спокойствия, а потом скрылся в комнате, но радоваться пришлось недолго.

Не успела я подняться, как услышала звук открываемого дверного замка.

6. Партия сыграна. Кто победил?

Я молниеносно прошмыгнула за угол коттеджа. Кажется, Арсений все еще меня не замечал. Но и домой возвращаться не спешил. Раздались приближающиеся шаги.

Чувства обострились, даже у воздуха появился горьковатый привкус опасности, а время замедлилось. Отрезвил шлепок ботинка по сырой листве совсем рядом, и я со всех ног бросилась прочь.

Он видел, как я убегаю, но не стал преследовать. Капюшон бесформенной толстовки скрыл длинные волосы, джинсы и кеды не выдали девичью фигуру. Арсений не мог узнать меня, лишь только догадаться.

Пробежав до конца улицы, я обернулась. Профессор смотрел мне вслед, стоя на дорожке, ведущей к дому. Я не различила черт его лица, и одному богу известно, насколько сильна была ярость мужчины. Чтобы унять дрожь, вызванную страхом, я снова бросилась наутек и не сбавляла скорости, пока не оказалась в своей комнате.

Скинув одежду, я ринулась в душ, но успокоить бешеное сердцебиение не получилось. Я терялась в догадках, что делать, если Арсений распознал меня, как объяснить свою слежку.

Заглядывать ночью в окно преподавателя – безумие! Строгий выговор, вызов к ректору на ковер, объяснительная

и разочарование папы. Но даже если чертов профессор меня вычислил, он ведь не может быть в этом уверен?

Сейчас только светает, да и лица моего он в принципе не видел. Можно все отрицать, как говорится: «Не пойман – не вор». Состроив коварный план обмана, я вдруг поняла, как устала за пару бессонных утренних часов.

Забравшись под одеяло, я сладко уснула, да так, что пропустила завтрак.

Кроме общей столовой на территории Оболенского университета работал кафетерий, где, помимо ароматного крепкого кофе, готовили салаты, супы и сэндвичи, но за отдельную плату.

Пересчитав остатки стипендии, я прикинула, что вполне могу позволить себе и салат, и сэндвич, и какой-нибудь десерт. Стоило только подумать о еде, как голод гулким урчанием отозвался в животе.

Правда, до завтрака следовало сделать кое-что важное.

Я достала из ящика стола черный мусорный пакет и сложила туда вчерашнюю одежду. Ветровка старая, ее не жалко, зато джинсы, толстовка и кеды... Но выбора нет.

Мусорные контейнеры находились сразу за жилым корпусом, и я быстро, не привлекая внимания, к ним прошмыгнула. Но едва открыла крышку бака, чья-то тяжелая ладонь опустилась мне на плечо. Вздрогнув, я отскочила в сторону и приготовилась давать объяснения Романову, но передо мной стоял вовсе не он.

– Авилов, придурок! Ты напугал меня.

– Это я и планировал, – усмехнулся он и схватил мою руку, сжимавшую мешок. – Что у тебя в пакете? Уж не труп ли расчлененный?

– Ты на голову больной! – Я отдернула руку и выбросила компромат в бак.

– Да ладно тебе, Лерочка. – Петя шагнул ко мне и практически вжал в стену. – Расскажи, что прятала в пакете.

– Для тебя там ничего не нашлось! – упираясь ладонями в его грудь и отталкивая парня, рявкнула я. – Просто старая одежда.

– Старая одежда? Неинтересно, – фыркнул он и, шлепнув меня по ягодице, направился к корпусу.

Авилову удалось испортить мне настроение, а голод превратил в разъяренную фурию, усмирить которую мог только вкусный завтрак. Кафетерий был практически пуст, но я все равно присела за барную стойку. Казалось, что, если буду видеть, как готовят еду, ее подадут быстрее. Наконец передо мной поставили тарелку с греческим салатом, но не успела я его попробовать, как в заведение зашел профессор Романов собственной персоной. Видимо, судьба решила доконать меня окончательно, посылая одного за другим людей, которых я не переносила.

Уткнувшись в тарелку, я понадеялась остаться незамеченной. Голод моментально пропал, и кусок в горло не лез. Мне уже принесли горячие сэндвичи, а я к ним не притронулась.

Голоса Романова я не слышала, значит, он даже не делал заказ, и я осмелилась обернуться, чтобы проверить, не убрался ли отсюда этот... Индюк.

Вопреки моим надеждам, Арсений никуда не ушел, а внимательно меня рассматривал. Под его изучающим взглядом стало неприятно до покалывания кончиков пальцев ног, как бывало на приеме у врача. Неужели пытался узнать во мне предрассветного гостя?

Наши гляделки затянулись до неприличия, и я кивнула профессору, что он воспринял как знак и двинулся к барной стойке.

– Доброе утро, Валерия...

– И вам.

– Завтракаете? – Он взглянул на салат и поморщился, чему я не удивилась: ведь у него аллергия на все, что как-то связано со мной.

– Верно. А вот вы нет? – Я покосилась на его пустой столик.

– Я зашел, когда увидел вас, – ответил Арсений неприкрытым тоном. Дескать, заглянуть в кафе ради меня и специально выжидать, чтобы я его заметила, – дело обыденное.

– Почему тогда сразу не подошли? И что вам вообще нужно?!

– Хотел напомнить, что к трем часам жду ваши наработки по диплому, – улыбнулся Арсений, продолжая всматри-

ваться в мое лицо, словно пытался мысленно зафиксировать каждую появившуюся на нем эмоцию.

– Я помню, Арсений Витальевич. Не переживайте, не опоздаю, – ответила я, расплываясь в лицемерной улыбке.

– Отлично, тогда не задерживаю вас, – кивнул он и уже собрался уйти, но вдруг бросил взгляд на мой салат. – Лучше бы мясо ели, а не всякую траву.

Человеческий организм – интересная вещь. Стоит утолить голод, как настроение поднимается. Когда за Романовым закрывалась дверь кафетерия, ко мне тут же вернулся аппетит. Я даже предположила, что Индюк может быть демоном, обладающим сверхсилой, и способен влиять на работу чужих внутренних органов. Например, он может не позволять моему желудку принимать пищу.

Зато сейчас Романова нет поблизости, и я спокойно поем. Усмехнувшись своим размышлениям, я снова погрустнела, вспомнив, что совсем скоро мне предстоит очередная встреча с Арсением. Да еще у него дома – один на один!

Вернувшись к себе, я собрала в папку все то, чем довольно долго занималась с профессором Радзинским. Научную работу я начала как курсовую еще в прошлом году и успешно защитила, после чего Павел Аркадьевич предложил развить ее в диплом.

Мы немного расширили тему, и теперь я писала о влиянии трактатов Пьера Абеяра¹² на зарождение номинали-

¹² Пьер Абеяра (1079–1142) – французский философ и теолог. (Прим. ред.)

стической диалектики¹³ Средневековья. Арсений не сумеет остаться равнодушным.

Без пяти минут три я уже стояла на пороге домика с зеленой крышей и нажимала на кнопку звонка. Время, пока Романов не открыл дверь, показалось мне вечностью, когда же я увидела научрука, не смогла сдержать легкого смешка.

Судя по виду Арсения, я его разбудила: растрепанные волосы, заспанное лицо с вмятиной от подушки на щеке и надетая наизнанку футболка с ярким рисунком, который невозможно было разобрать с оборотной стороны ткани.

– Валерия, вы пришли сдавать работу или веселиться? Что вас рассмешило? – строго сказал Арсений, но напугать меня у него не получилось.

– Простите... ваша футболка...

Арсений опустил взгляд и заметил свою оплошность. Еле слышно выругавшись, он стянул футболку и, пока ее выворачивал, я имела возможность насладиться прекрасным мужским торсом. Романов был отлично сложен, да и спортзалом явно не пренебрегал... Даже не у всех наших оболенских атлетов имелись такие ярко очерченные кубики.

А спина... широкая, мускулистая...

– Я могу одеваться, вы все рассмотрели? – усмехнулся профессор, нагло разоблачивший меня.

¹³ Номинализм в целом – философское учение, согласно которому общие понятия (универсалии) существуют только в мышлении и потому являются субъективными. (Прим. ред.)

Черт... Как стыдно.

– Простите. – Я потупилась, однако отметила, что Арсений не разозлился. Неужели ему приятно? Хотя... он же живой человек. И мужчина...

Еще какой мужчина!

– Валерия, вы так и будете стоять на пороге? – вздохнул он, и я запоздало поняла, что Романов давно пропускал меня в дом.

Мы прошли в гостиную, и я с интересом принялась рассматривать жилище научрука. Интерьер, выдержанный в классическом стиле, – явно заслуга прошлого обитателя коттеджа, а вот разбросанный мусор, недоеденное талое мороженое в миске, упаковки от конфет и полупустая бутылка молока здесь точно от Романова.

И как можно быть настолько неряшливым? По планировке коттедж был таким же, как у Радзинского, поэтому я сразу поняла, где кабинет и спальня.

Значит, ночью свет горел в профессорском кабинете.

– Располагайтесь, Валерия. – Романов указал на диван.

Я с опаской присела на край, боясь оставить на юбке пятно, что было бы естественным благодаря всей этой грязи.

– Я на минуту. – Взяв со стола молоко и грязную посуду, Романов вышел из комнаты, а я, пользуясь отсутствием научрука, продолжила изучать обстановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.